

Смерть князя и закат славы Скопиных-Шуйских

Михаил Скопин-Шуйский умер в освобожденной им Москве после одного из бесчисленных, нескончаемых пиров по случаю блестящей победы над Дмитрием-Самозванцем.

Было ли это отравлением или не было, теперь уже сказать трудно. Мало того, сразу после смерти Скопина-Шуйского царем Василием было назначено следствие. Но выяснение обстоятельств, ни к чему не привело. Если Шуйского действительно отравили, то виновных в этом убийстве изобличить не удалось. Впрочем, такой развязки и следовало ожидать. Скорой платой за эту смерть стал полнейший разгром русской армии, созданной талантливым военачальником Скопиным-Шуйским.

После его смерти армией командовал брат царя Василия Дмитрий Шуйский, прославившийся тем, что проиграл почти все битвы, в которых принимал участие в качестве полководца. Последнее фиаско нерадивый воевода потерпел у деревни Клушино, недалеко от Смоленска.

Последствиями этой катастрофы стали: польская оккупация почти всей европейской части России, потеря Москвы, “семибоярщина”, несчетное количество человеческих жертв, фактический распад Русского государства, а также все остальные хорошо известные ужасы затянувшейся еще на три года Смуты.

Смерть полководца Скопина

После окончательного разгрома и бегства тушинцев Михаил Скопин-Шуйский со своим победоносным войском вступал в освобожденную им Москву по Троицкой (Ярославской) дороге. У ворот Скородома по поручению царя его встречал царский брат, “дворцовый воевода”, князь Дмитрий Шуйский. Завидев с надвратной башни приближающееся к столице войско, он воскликнул, указывая мечом на его предводителя, — “Вот идет мой соперник!”.

Трагедия произошла на крестильном пиру у князя И.М. Воротынского, куда Скопин был зван крестным отцом. А крестной матерью, его “крестовой кумой”, стала Екатерина Шуйская, дочь не кого-нибудь, а самого Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского, по прозвищу Малюта. Вот из ее-то рук, по преданию, князь Михаил и принял стакан хмельного меда, после чего «занемог черной горячкой» и через неделю скончался.

Тогда в обычае были не дощатые, сколоченные, а долбленые, однодеревные гробы. Во всей Москве не нашлось гроба, который мог бы вместить усопшего. Домовину пришлось сращивать из трех готовых.

Во главе похоронной процессии шел сам царь Василий. Он, вопреки всем правилам и обычаям, был простоволос и, по свидетельству современника, «беспрестанно рыдал и вопиял, но никто ему не верил». “А воротясь от погребения в свою палату, упал ниц на стол и горько плакал”.

М.В. Скопин-Шуйский был похоронен в Архангельском соборе, в великокняжеской (царской) усыпальнице. Василий и Дмитрий Шуйские менее чем через год оказались в польском плену и были повержены к стопам Сигизмунда. Там, на чужбине, они нашли бесславный конец.

Конец